

УДК 94(476)"18/19"+63(091)+504.06

DOI 10.52928/2070-1608-2026-77-1-64-70

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РАЦИОНАЛЬНОМ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИИ
В АГРАРНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ БЕЛАРУСИ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

канд. ист. наук, доц. С.О. ШИДЛОВСКИЙ
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

В статье исследуется процесс формирования представлений о рациональном природопользовании в отечественной аграрной публицистике XIX – начала XX в. На основе анализа экономических и статистических обзоров исследуемой эпохи выявлены основные источники знаний помещиков о рациональном хозяйствовании: научная теория (прежде всего концепция Альбрехта Тэера), зарубежный опыт. Показано, как в публицистике проводился анализ состояния природных ресурсов региона, формировался дискурс о проблемах с плодородием почв, неурожаями, заболачиванием территорий. Называются предлагаемые современниками меры рационализации: многопольные севообороты, мелиорация, агротехнические новшества. Показаны экономические и социокультурные препятствия широкому внедрению рациональных практик. Исследование демонстрирует, что формирование концепции рационального природопользования стало важной частью дискурса аграрной модернизации на белорусских землях, отразив противоречие между теоретическими представлениями и реальными практиками в помещичьих хозяйствах.

Ключевые слова: *рациональное природопользование, аграрная публицистика, помещичье хозяйство, Альбрехт Тэер, рациональное хозяйство, модернизация сельского хозяйства, экологическая история.*

Введение. История теоретизации отношений общества и природы приобретает особое значение в контексте современных глобальных экологических вызовов. Исторический анализ представлений о рациональном использовании природных ресурсов позволяет лучше понять генезис современных экологических проблем. Несмотря на появление ряда новых исследований модернизационных процессов на белорусских землях (работы А.Г. Кохановского, В.Л. Носевича, С.М. Токтя) [1; 2; 3], а также работы о традиционных экологических представлениях белорусов К. Шумского [4], собственно экологические аспекты хозяйственной деятельности помещиков, формирование дискурса о рациональном природопользовании в отечественной аграрной публицистике рассматриваемой эпохи остаются малоизученными. Недостаточно проанализированы источники знаний землевладельцев об идеях рационального природопользования и механизмы их распространения, а также содержание дискуссий об охране природных ресурсов. В статье предпринята попытка восполнить данный пробел: поставлены задачи исследовать, каким образом в аграрной публицистике на белорусских землях в XIX – начале XX в. происходила концептуализация рационального природопользования; какие распространялись представления о природных ресурсах края и климате, о проблемах в сельском хозяйстве и их истоках.

Объектом исследования в статье выступает отечественная публицистика, посвященная вопросам развития сельского хозяйства на белорусских землях в XIX – начале XX в. Экономическая публицистика является ценным источником для изучения как процесса концептуализации рационального хозяйствования, так и общего дискурса модернизации сельского хозяйства на белорусских землях. Предмет исследования – представления о рациональном природопользовании в аграрной публицистике Беларуси XIX – начала XX в. Хронологические рамки исследования охватывают период с начала XIX в., когда в общественном сознании происходит популяризация принципов развития сельского хозяйства на научной основе, до начала XX в. (Октябрьская революция), ознаменовавшегося наибольшим распространением дискуссий о рационализации хозяйственной деятельности. Территориальные рамки исследования включают белорусские губернии Российской империи – Витебскую, Минскую, Могилевскую, Гродненскую, а также частично Виленскую губернию, составлявшие единый социально-экономический регион с преобладанием аграрного сектора экономики. Цель исследования – выявить основные направления осмысления проблем использования природных ресурсов и предлагаемые пути их решения в экономической публицистике на белорусских землях в XIX – начале XX в. Формирование концепции рационального природопользования на белорусских землях следует рассматривать в контексте более широких процессов аграрной модернизации Российской империи, вехами которой были отмена крепостного права, мировой аграрный кризис 1880-х гг., столыпинская реформа. В этих условиях отечественная публицистика выполняла важную функцию артикуляции проблем и трансляции новых идей.

Одним из маркеров модернизации аграрного сектора изучаемого периода выступает формирование и распространение концепции рационального хозяйствования. Концепция рационального хозяйствования (нем. *rationellen Landwirtschaft*) стала известна отечественным читателям благодаря польскоязычным адаптациям работ Альбрехта Тэера [5, с. 116–117]. В русской сельскохозяйственной литературе данный термин известен с 1830 г., когда появился русский перевод книги А. Тэера «Основания рационального сельского хозяйства» [6]. Согласно утверждению С.С. Бакаркина, у великорусских помещиков «понятие "рациональное хозяйство" ассоциировалось с наличием специальной сельскохозяйственной техники, многопольем с посевом трав, разведением чистокровных животных, использованием искусственных удобрений» [7]. Частью практики рационального хозяйствования является *рациональное природопользование*. В настоящем исследовании под рациональным природопользованием понимается комплексная система мер, направленных на эффективное использование природных ресурсов и сохранение окружающей среды.

Одной из первых отечественных попыток описания модели хозяйствования, основанной на рациональных принципах, была работа Анны Тюддевицкой «*Gospodyni litewska czyli nauka utrzymywania porządku domu...*» (первое изд. – Вильно, 1848) [8]. Идеал рационального помещичьего хозяйства находил свое воплощение и на страницах художественных произведений, таких, как роман Э. Масальского «Пан Подстолич, или Что мы теперь и чем быть можем» (ч. 1–5, Вильно; Петербург, 1831–1833) [9]. Согласно убеждениям Э. Масальского, экономический успех помещичьего хозяйства основывался на мерах по повышению плодородия почв, бережном использовании трудовых ресурсов и развитии промыслов [10, с. 91]. Однако элементы рационального хозяйствования, и, в частности, рационального природопользования, обычно применялись на практике без их концептуализации и предварительного теоретического осмысления. Иными словами, сама практика зачастую существовала, не будучи идентифицированной в терминах рационального или природосохраняющего хозяйствования.

Основная часть. Предпосылкой перехода к организации системы рационального природопользования является осознание причинно-следственных связей, определяющих результаты хозяйствования на земле. Подобное понимание приходило либо на основе изучения научной теории, либо на основе усвоения практического опыта многих поколений земледельцев. Знания, необходимые земледельцу, как крестьянину, так и владельцу поместья, имели комплексный характер, о чем свидетельствует, например, автор книги «Шляхтич Завальня, или Беларусь в фантастических рассказах» Я. Барщевского: «Каб гаспадарыць у маёнтку – мала старання, трэба быць чалавекам дасведчаным, добра ведаць якасць зямлі, дзе што пасеяць; ведаць час, калі сеяць гарох, пшаніцу, ячмень ці авёс, а што найцяжэй – прадабчыць перамену надвор’я, калі прыйдзе час сенакосу» [11, с. 142]. Сельскохозяйственные компетенции землевладельцев основывались зачастую на фундаменте «народных знаний». Признание обоснованности некоторых крестьянских методов хозяйствования можно найти, например, на страницах «Хозяйки литовской» А. Тюддевицкой [12, с. 3–4]. По воспоминаниям Ф. Карпинского, когда он стал арендатором, то начал заниматься сельским хозяйством «по книге», но основным навыкам научился у крестьян [13, с. 65].

Однако, в отличие от крестьян, помещики имели доступ к научной теории и лучшим местным и зарубежным моделям хозяйствования. Согласно сведениям К. Контрыма, полесские помещики с целью изучения зарубежного опыта посещали немецкие и итальянские земли, Францию и Англию [14, с. 10]. Как отмечала М. Горчинская, на землях бывшей Речи Посполитой в 30-х гг. XVIII в. – 20-х гг. XIX в. сельскохозяйственные знания распространялись по самым разнообразным каналам – общественным и межличностным, устным и письменным. В данном контексте исследовательница упоминает воскресные и праздничные проповеди, рукописные книги (*silva rerum*), частную переписку, печатную периодику (журналы, газеты, альманахи, календари) [15, с. 7–8]. В крае выходили как монографические исследования в области сельскохозяйственных наук, так и популярная экономическая литература, велись систематические наблюдения за природой и погодой, собиралась сельскохозяйственная статистика. Данный массив информации был весь к услугам землевладельцев в их хозяйственной деятельности [16].

Помимо научных знаний существовали и другие факторы, формировавшие различия в крестьянском и помещичьем типах экономической рациональности, влиявшие на выбор помещиками средств и форм хозяйствования. Прежде всего, сказывалась большая ориентация дворянского поместья, в отличие от крестьянского хозяйства, на рынок. Помещики обладали значительными ресурсными возможностями для преобразования окружающей природной среды. Последнее реализовывалось, например, в практике ландшафтного формирования, создания парков, устройства прудов и проведения мелиоративных работ. Сочетание народных традиций и научных подходов, основанных на принципах рационального природопользования, приносило как положительные, так и отрицательные результаты, формируя самобытный стиль хозяйствования в помещичьей усадьбе на белорусских землях.

Оценка качества сельскохозяйственных угодий и определение природно-климатических особенностей Беларуси. К идее рационального использования природных ресурсов землевладельцы приходили, как правило, сталкиваясь с растущими экономическими издержками при деградации природной среды и невозможностью купирования их экстенсивными способами. Переход к практике рационального природопользования требовал предварительного изучения местных природных и социальных особенностей, выявления негативных факторов как объективного, так и субъективного характера, приводящих к деградации ресурсов, и определения путей решения выявленных проблем. Примеры подобного анализа можно зафиксировать в работах местных авторов на протяжении всего изучаемого периода. Сформировался жанр «статистическо-географических обзоров», которые посвящались отдельным уездам и целым губерниям. Данный род аналитики выполнялся по заданиям Генерального штаба, статистических комитетов, научных обществ либо, например, банка, как было в случае работы К. Контрыма [14]. Предпринимались специальные «агрономические путешествия» с целью изучения объективных условий хозяйствования и выявления передового опыта [17].

В подобных исследованиях зачастую отсутствовал единый методологический подход и общепринятая терминология, что можно проиллюстрировать на примере описания свойств почв и попыток их классификации в литературе рассматриваемого периода. Так, И. Лехницкий в исследовании «*Statystyka gubernii Litewsko-Grodzińskiej*» (1817) выделил следующие типы земель по признаку их сельскохозяйственного использования: культурные земли, сенокосы и пастбища, леса, облог, неудобища. Культурные земли, в свою очередь, он разделял по признаку их плодородия на «пшеничные» (глинистые и илистые «краснозёмы» или «чернозёмы»), «ржаные» (песчаные, требующие удобрения) и «гречишные» (бедные песчаные с большой примесью камня) [18, с. 44]. Е. Тышкевич по целевому назначению и хозяйственно-юридическому статусу различал усадебные наделы, пастбища и сады; пашни лучшего качества и обычные; луговые сенокосные земли и болотные; казенные леса, частные

и общего пользования [19, с. 1]. На Борисовщине традиционно выделяли следующие типы: «серую землю» в долинах рек и низинах, «глины» и каменистые песчаные почвы. Торф рассматривался как средство повышения урожайности на песчаных бедных гумусом почвах [19, с. 170].

Неудобица (участок земли, непригодный для сельскохозяйственного возделывания) в белорусских природных условиях – это преимущественно заболоченные территории. К неудобицам также относили песчаные пустоши [18, с. 48]. Наибольшее количество болотистых неудобиц находилось на Полесье – в уездах Кобринском, Слонимском и Брестском. В данном регионе более пригодным для сельскохозяйственного использования, согласно выводам К. Контрыма, был северный берег Припяти [14, с. 15]. Значительное количество заболоченных пустошей находилось также в низинах вдоль Немана в Гродненском уезде, на болотистых берегах Лидеи – в Лидском [18, с. 48].

Значительная часть авторов приходили к пессимистическим оценкам природного плодородия местных почв. Как утверждал П. Бобровский, «западные губернии имеют неплодородную почву и неблагоприятный климат» [20, с. 39]. Действительно, по данным современной сельскохозяйственной науки, наиболее распространенные в Беларуси дерново-подзолистые почвы в естественном состоянии характеризуются низкой обеспеченностью элементами питания растений, что требует проведения систематических агротехнических работ по сохранению и повышению плодородия местных сельскохозяйственных угодий [21]. Ряд регионов, согласно мнению наблюдателей, были особенно проблемными. В.М. Севергин писал, что наихудшие в отношении плодородия почвы он встречал на правом берегу Западной Двины. Далее в направлении Могилёва качество почв улучшалось, а наилучшие почвы на востоке Беларуси В.М. Севергин обнаруживает в окрестностях Мстислава [22, с. 101]. Согласно наблюдениям К. Тышкевича, бедными являлись почвы вдоль побережья Вилии, лишённого качественных лугов. Отсутствовали здесь и передовые хозяйства [23, с. 143].

Засорение белорусских почв каменистыми включениями, которое в современной литературе рассматривается как проблемный фактор (приводит к повреждению лемехов плугов) [24], в оценках помещиков в XIX в. не имело однозначно негативной оценки. Например, как свидетельствовал Е. Тышкевич, среди землевладельцев Борисовского уезда бытовало убеждение, что наличие камней на поле способствует повышению урожайности: камни, как мульча, обеспечивают всходам тень в жаркие дни, аккумулируют тепло и отдают его растениям в холодные дни, помогая также сохранять влагу [19, с. 168].

Наряду с наличием значительного массива болотистых и песчаных почв, которые не могли быть в полной мере задействованы в сельскохозяйственных практиках без проведения мелиоративных работ, отмечался и климатический фактор, осложнявший развитие сельского хозяйства в регионе. П. Бобровский в качестве примера непредсказуемости местного климата приводил заморозки, которые иногда случаются до восхода солнца весной и осенью [20, с. 39]. Аналогичного мнения придерживался К.Т. Аникиевич, согласно сведениям которого заморозки были нередки поздней весной и даже поздним летом, поэтому в регионе спешили с проведением раннего сева [25, с. 43–44]. Отмечались региональные природно-климатические различия. Например, по данным И. Лехницкого, вегетация в Гродненской губернии начиналась на две-три недели раньше, чем на Виленщине [18, с. 57].

При наличии объективных причин имели место и субъективные факторы, когда, например, информация о характеристиках местных почв и особенностях климата фальсифицировалась, служа поводом для списания затрат. Сбором сведений о качестве местных земель занималась Комиссия народного продовольствия, однако, по словам П. Бобровского, эти отчеты иногда основывались на показаниях инвентарных комитетов, которые имели тенденцию корректировать данный показатель. П. Бобровский также был склонен не доверять сведениям комиссий о средней урожайности, площади пашни и господствующих системах земледелия [20, с. 60–62].

Диагностирование проблем и видение путей их преодоления. Наличие циклов урожайности отмечалось в местной экономической публицистике со ссылками как на научное, так и опытное знание. Е. Тышкевич, например, ссылался на работы австрийского ботаника Франца Унгера (1800–1870), согласно которым считалось, что существует семилетний цикл урожаев (соответственно и цен на хлеб): один год – исключительно хороший урожай, второй год – очень хороший, третий год – средний, четвертый и пятый – лучше среднего, шестой и седьмой – хуже среднего [19, с. 227]. Согласно наблюдений И. Лехницкого, один неурожайный на рожь год приходился на пять урожайных, один неурожайный на пшеницу – на два урожайных, один неурожайный на овёс – на четыре урожайных, один неурожайный на ячмень – на три урожайных, один неурожайный на горох – на четыре урожайных [18, с. 53–54]. Без внедрения многопольного севооборота и систематического внесения больших объемов удобрений цикл урожайности определялся, прежде всего, естественным качеством почвы. Согласно свидетельствам И. Лехницкого, на Гродненщине на лядях земля хорошо плодоносила без внесения удобрений три года [18, с. 44]. На Пинском Полесье пшеница давала хороший урожай только на богато удобренных полях [26, с. 66]. Современные исследования также исходят из наличия циклических закономерностей урожайности зерновых [27].

Определяя объективные природно-климатические факторы, имеющие негативное влияние, публицисты, однако, признавали, что одной из причин неурожаев являлось низкое качество обработки земли. Например, И. Лехницкий обратил внимание на значительный разброс показателей урожайности в разных хозяйствах Гродненской губернии, расположенных на землях одинакового качества. Причину низкой урожайности исследователь усматривал не столько в качестве почвы, сколько в нехватке рабочих рук и удобрений [18, с. 53–54]. Поэтому, как правило, урожайность на землях помещиков была в среднем выше, чем в крестьянских хозяйствах [25, с. 119]. Согласно сведениям П. Бобровского, в крестьянском хозяйстве реальная урожайность ржи составляла в среднем сам-5, тогда как у помещиков – сам-6–7 [20, с. 63–64]. При правильном подходе к возделыванию сельскохозяйственных полей

можно было получать еще большие урожаи. Например, в Горках, где выращивали сандомирскую пшеницу на хорошо удобренных почвах, которые обрабатывались плугом, урожайность была сам-15 [28, с. 423].

В то же время, по официальным данным, средняя урожайность озимой ржи в Минской и Гродненской губерниях составила сам-3 (1854–1860), в Виленской – сам-2 (1850–1858). Средняя урожайность яровой ржи в Минской губернии была сам-3 (1854–1860), в Гродненской – сам-2 (1854–1860), в Виленской – сам-2 (1850–1858). Средняя урожайность картофеля в Минской и Гродненской губерниях была сам-4 (1854–1860), в Виленской – сам-2 (1850–1858) [20, с. 53]. Согласно собственным подсчетам И. Лехницкого, в среднем по Гродненской губернии урожайность зерна составляла сам-4 [18, с. 53–54]. По словам К. Тышкевича, в Борисовском уезде урожайность зерновых составляла сам-5–6 [23, с. 267]. В Могилевской губернии средняя урожайность озимой ржи составляла сам-3–4, наивысшая – сам-8. Средняя урожайность яровой ржи была сам-3, наивысшая – сам-5 [28, с. 422–423]. Показатели по озимым культурам колебались от сам-2 до сам-5, по яровой ржи – сам-2. П. Бобровский считал официальные цифры заниженными примерно в два раза [20, с. 59].

Существовало понимание неточности традиционно применяемых методов учета урожая и определения урожайности. И. Лехницкий жаловался на отсутствие достаточной информации о средней урожайности сельскохозяйственных культур в Гродненской губернии. По его мнению, местные землевладельцы не имели точной методики такого расчета или, что более вероятно, не были заинтересованы в сборе этой информации [18, с. 53–54]. Урожай ржи традиционно подсчитывался в копах с десятины (копа насчитывала 60 снопов), что давало только приблизительную оценку [20, с. 51]. Существовали также региональные меры сыпучих продуктов, последние чаще всего измерялись в осьминах (одна осьмина равнялась 2 четверикам и 2 гарнцам). Бытование традиционной системы мер, имевшей многочисленные региональные различия, делало проблемным ведение точного учета, усложняло межрегиональный трансфер успешного опыта, например, препятствовало внедрению прогрессивного метода расчета оптимального количества расхода семян. В результате мог возникнуть значительный перерасход семян даже вдвое от необходимого [20, с. 62; 29, с. 18]. Подобные приблизительные подходы были несовместимы с рациональными методами организации хозяйственной деятельности.

Насущная необходимость определения относительных показателей урожайности участков возникала у землевладельцев при продаже или сдаче имений в аренду. В этом случае обычно предоставлялась информация об урожайности озимой и яровой ржи, пшеницы и сена в лучшие годы. Официальная статистика также определяла среднюю урожайность приблизительно, но с тенденцией к занижению реальных показателей. Заниженные показатели отправлялись в официальные органы, так как помещики и предводители дворянства были заинтересованы в получении денежных субсидий на более выгодных условиях, а также в налоговых льготах и уплате недоимок. В результате помощь, которую помещики получали по причине недорода, необоснованно завышалась [20, с. 60–62]. По убеждению П. Бобровского, фальсификация статистических данных в Виленской и Гродненской губерниях была особенно масштабной [20, с. 59]. Исследователь также считал ошибочным мнение о недостаточности хлеба в Минской и Витебской губерниях [20, с. 64]. Суждение П. Бобровского основывалось на том факте, что, несмотря на официальные данные о хронической нехватке ржи в западных губерниях при пропитании населения, ежегодно из данного региона вывозились значительные объемы зерна для продажи за рубежом [20, с. 60, 64]. Однако, в данном случае следует признать неубедительность логики П. Бобровского, так как дефицит зерна для пропитания населения не исключал все же возможность его вывоза за рубеж.

Объективной причиной уязвимости местного сельского хозяйства к неурожаю публицисты считали преобладание в крае трехпольной системы, основанной на возделывании яровой и озимой ржи; недостаточность мероприятий по мелиорации земель; дефицит удобрений; отсутствие научных агрономических исследований качества почв; недостаточную обработку земель. Вследствие этого неурожаи обычно вели к голоду, продовольственные склады и капиталы на такие случаи не всегда могли предотвратить негативные последствия неурожаев, так как склады, особенно в помещичьих имениях, пополнялись нерегулярно, ссуды из складов выдавались без должных на то оснований. Сами крестьяне не принимали достаточных мер для предотвращения голода в случае неурожаев [30, с. 9–11].

В отечественной публицистике происходило также обсуждение последствий деградации лесных ресурсов. По мнению П. Бобровского, бесконтрольные рубки леса в крае могли негативно влиять на микроклимат и приводить в определенных местах к увеличению частотности неурожайных лет, а также к уменьшению уровня воды в водоемах. В некоторых местностях Виленской и Гродненской губерний существовал дефицит леса, и местное население использовало в качестве топлива торф и солому, а в некоторых имениях постройки для крестьян делались из вереска и соломы, смешанных с глиной [30, с. 13–16]. Согласно сведениям В.М. Севергина и И. Лехницкого, из-за недостатка леса в Гродненском уезде дрова стоили дорого (сажень – 6 рублей серебром), тогда как в Витебске сажень стоила 3 рубля 50 копеек. Поэтому для топки печей и выпечки хлеба использовали преимущественно солому. В некоторых местностях Лидского, Волковысского и Брестского уездов для этих же целей употребляли кустарник и сорняки [18, с. 47; 22, с. 136; 32, с. 116]. На Полесье для отопления крестьянских домов нередко использовался камыш [26, с. 104–105]. Даже в помещичьих домах печи протапливались иногда торфом из-за дефицита дешевых дров [32, с. 51]. В первой половине XIX в. в помещичьих домах стали появляться «экономные печи», в которых можно было готовить блюда, ставя одну посуду над другой [33, с. 65]. Кухонные «английские печи» («ангельки»), конструкции с железным верхом, которые меньше требовали топлива, начали распространяться во второй половине XIX в. [34, с. 9, 183].

Констатировалось также количественное снижение численности дичи, в частности, отмечалось исчезновение ряда ценных видов (зубр, соболь, бобр) [25, с. 54; 35, с. 175]. Попытки внедрить принципы рационального лесопользования происходили в основном в казенных лесах, однако и здесь выявлялись случаи злоупотреблений и бесхозяйственности [30, с. 13–16; 19, с. 212–216].

Заключение. Формирование представлений о рациональном природопользовании на белорусских землях происходило с использованием нескольких источников знания. Народная традиция содержала эмпирические знания о свойствах почв, циклах урожайности, погодных явлениях. Данные знания, фиксировавшиеся, как правило, в народных приметах, составляли базовый уровень понимания природных закономерностей также и в среде помещиков. Однако в публицистике XIX – начала XX в. отношение к народным знаниям было амбивалентным: признавалась их ценность как опыта многих поколений, но подчеркивалась их недостаточность для ведения эффективного хозяйства. Научная теория, прежде всего концепция рационального хозяйствования Альбрехта Тэера и его последователей, стала ключевым идейным ресурсом для формирования представления помещиков об эффективном хозяйстве. Подразумевалось, что подобное хозяйство основывается на научных принципах, практикует многопольный севооборот и травосеяние с учетом локальных природных особенностей. Зарубежный опыт – прежде всего практики передовых хозяйств Германии, Англии, отчасти Польши – активно транслировался через публицистику как образец для подражания. Вместе с тем, значительная часть публицистов осознавали различия в условиях хозяйствования (климат, качество почв, уровень развития инфраструктуры, доступность капитала и квалифицированной рабочей силы), и необходимость критического отношения к возможности прямого переноса западных практик.

Каналы распространения знаний о рациональном природопользовании включали экономическую периодику, деятельность сельскохозяйственных обществ, опытных станций и образцовых хозяйств. Особую роль играли статистические обзоры губерний и уездов, которые формировали определенный способ оценки природных ресурсов и потенциала их рационального использования, а также описания имеющихся проблем.

Оценка состояния природных ресурсов белорусских земель в XIX – начале XX в. носила преимущественно критический характер. Публицисты констатировали низкое качество значительной части почв, их подверженность заболачиванию, нехватку удобрений, деградацию в некоторых регионах лесных ресурсов. Классификация земель строилась на сочетании народных представлений и формирующихся научных подходов. Детально описывались региональные различия, что послужило основанием для вывода о необходимости адаптации агротехнических приемов к местным условиям.

В публицистике акцентировалась проблемность существующей на белорусских землях ситуации в сельском хозяйстве. Объяснение истоков аграрных проблем было достаточно сбалансированное: назывались неблагоприятные природно-климатические условия (короткий вегетационный период, нестабильность погоды), традиционные экстенсивные методы ведения хозяйства (трехполье без достаточного удобрения, отсутствие севооборотов с травосеянием), социально-экономические факторы (недостаток капитала для инвестиций в улучшение хозяйства, отсутствие квалифицированных специалистов, пережитки крепостнических отношений). Публицисты анализировали циклы неурожая, указывали на истощение почв в результате хищнического использования, деградацию лесных ресурсов вследствие бесконтрольной вырубki, заболачивание территорий из-за отсутствия дренажных систем. «Человеческий фактор» указывался как одна из основных причин хозяйственного неблагополучия. Современники осознавали несовершенство методов учета урожая, разночтения в оценках плодородия земель, сознательное искажение данных помещиками в целях получения налоговых льгот и государственных субсидий в неурожайные годы. Эти недостатки осложняли выработку эффективных мер по рационализации природопользования.

Предлагался широкий спектр практических решений: внедрение многопольных севооборотов с травосеянием, систематическое использование удобрений, мелиорацию заболоченных земель, рациональное лесопользование, применение улучшенных пород скота и сортов культурных растений, использование сельскохозяйственных машин. Данные меры обосновывались не только с точки зрения повышения текущей продуктивности хозяйств, но и с позиции долгосрочного сохранения производительной способности природной среды.

Вместе с тем существовал разрыв между теоретическими представлениями о необходимости рационализации и реальными практиками большинства помещичьих хозяйств. Препятствиями широкому внедрению рациональных практик выступали: экономические факторы (отсутствие достаточного капитала для инвестиций, высокая стоимость сельскохозяйственных машин и отсутствие навыков их эксплуатации, долгий срок окупаемости мелиоративных работ), институциональные ограничения (несовершенство кредитной системы, слабость агрономической службы), социокультурные барьеры (консерватизм части помещиков, недостаток квалификации, недоверие к научным новшествам). Публицисты констатировали, что передовые практики внедряются лишь в ограниченном числе крупных имений.

Таким образом, проведенное исследование демонстрирует, что в аграрной публицистике на белорусских землях в XIX – начале XX в. происходил процесс концептуализации рационального природопользования. Утверждался приоритет научного знания над традиционным опытом. Рациональность понималась как соответствие практики научным принципам, калькулируемость результатов. Публицисты подчеркивали необходимость учета местных природно-климатических условий. Природа воспринималась через призму хозяйственной полезности. Формировалось представление об ответственности землевладельца за сохранение производительной способности земли. Это еще не была полноценная экологическая этика, но в публицистике присутствовали мотивы критики хищнического отношения к природным ресурсам. Было также выявлено противоречие между знанием о рациональных практиках и их ограниченным внедрением в среде помещиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каханоўскі А.Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.). – Мінск: БДУ, 2013. – 335 с.
2. Носевич В.Л. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе. – Минск: Тэхналогія, 2004. – 350 с.
3. Токць С.М. Сацыяльныя і культурныя працэсы ў беларускай вёсцы ў другой палове XIX – пачатку XX ст. – Мінск: ДІКСТ БДУ, 2016. – 328 с.
4. Шумскі К.А. Традыцыйныя экалагічныя веды беларусаў у XIX ст. – пачатку XXI ст. – Мінск: БДАТУ, 2011. – 192 с.
5. Шыдлоўскі С.А. Памеснае дваранства Беларусі: канец XVIII – пачатак XX ст.: этналагічнае даследаванне. – Мінск: Беларуская навука, 2022. – 221 с.
6. Тэер А.Д. Основания рационального сельского хозяйства / пер. С.А. Маслова. – Ч. 1–5. – М.: А. Ширяев, 1830–1835.
7. Бакарягин С.С. А. А. Фет и А. Н. Энгельгардт: два взгляда на рациональное хозяйство // История и археология: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2018 г.). – Краснодар: Новация, 2018. – С. 13–15. – URL: <https://moluch.ru/conf/hist/archive/290/13596/>.
8. Gospodyni litewska czyli nauka utrzymywania porządku domu i zaopatrzenie go we wszystkie przyprawy: zapasy kuchenne, apteczki i gospodarskie, tudzież hodowania i utrzymywania bydła, ptactwa i innych zwierząt, według sposobów wyprobowanych i najdoświadczonych, a razem najtańszych i najprostych. – 4 wyd. – Wilno: Drukiem J. Zawadzkiego, 1848. – 449 s.
9. Масальскі Ф. Пан Подстолич, или Что мы теперь и чем быть можем: Роман административный. – 2-е изд. – Ч. 1–5 – СПб.: тип. К. Крайя, 1834.
10. Massalski E.T. Pan Podstolic, albo, Czém jesteśmy, czém być możemy: romans administracyjny: W 5 częściach. Część 4. – SPb: W Drukarni K. Kraja, 1833. – 286 s.
11. Баршчэўскі Я. Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях // Выбраныя творы / укл., пер. з пол. М. Хаўстовіча. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 1998. – С. 81–282.
12. Шыдлоўскі С.А. Сістэма рацыянальнага гаспадарання ў рабоце Ганны Цюндзвіцкай «Літоўская гаспадыня» / С.А. Шыдлоўскі // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2013. – № 9. – С. 2–6.
13. Karpiński F. Pamiętniki. – Poznań: W. Simon, 1884. – 178 s.
14. Kontrym K. Podróż Kontryma, urzędnika banku polskiego odbyta w roku 1829 po Polesiu / Wydana przez Edwarda Raczynskiego. – Poznań: U Walentego Stefańskiego, 1839. – 72 s.
15. Gorczyńska M. Popularyzacja wiedzy w polskich kalendarzach okresu Oświecenia, 1737–1821. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1999. – 321 s.
16. Шидловский С.О. Информационное обеспечение инновационных процессов в белорусском помещичьем хозяйстве (вторая половина XVIII – начало XX в.) // Новые коммуникативные технологии и современное белорусское общество: электрон. сб. ст. III Междунар. науч. конф., Новополоцк, 27–28 апр. 2023 г., / Полоц. гос. ун-т; под общ. ред. С.О. Шидловского. – Новополоцк: Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2023. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – С. 72–76.
17. Целлинский Б.А. Агрономические путешествия по России // Журнал Министерства государственных имуществ. – 1846. – Ч. 20. – № 7. – С. 48–70.
18. Lachnicki I.E. Statystyka gubernii litewsko grodzieńskiej. – Wilno: Nakład i druk J. Zawadzki, 1817. – X, [2], 88 s.
19. Tyszkiewicz E. Opisanie powiatu borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim, z dodaniem wiadomości: o obyczajach, śpiewach, przysłowiach i ubiorach ludu, gusłach, zabobonach itd. – Wilno: Druk. A. Marcinkowskiego, 1847. – 489, IV s.
20. Бобровский П.О. Физические и нравственные элементы северо-западных губерний России // Вестник Западной России. – Вильно. – 1865. – Г. IV. – Кн. III. – Ч. 3. – С. 37–64.
21. Лапа В.В. Плодородие почв Республики Беларусь, проблемы и перспективы // Почвоведение и агрохимия. – 2010 – № 1. – С. 7.
22. Севергин В.М. Продолжение записок путешествия по западным провинциям Российского государства, или Минералогические, технологические и другие примечания, učinённые во время проезда через оные в 1803 году... – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1804. – 168 с.
23. Tyszkiewicz K. Wilja i jej brzegi: pod względem hydrograficznym, historycznym, archeologicznym i etnograficznym. – Drezno: drukiem i nakładem Józefa I. Kraszewskiego, 1871. – XVI, 362 s.
24. Винокуров В.Н. Исследование засоренности почв каменистыми включениями и влияния их на полмки плужных лемехов // Лесной вестник. – № 3(86). – 2012. – С. 49–52.
25. Аникиевич К.Т. Сенненский уезд Могилёвской губернии: опыт описания в географическом, историческом, этнографическом, бытовом, промышленном и статистическом отношениях, с картой уезда, схемой двух озёр и рисунками в тексте. – Могилёв: Губ. тип., 1907. – 149 с.
26. Kraszewski J.I. Wspomnienia Polesia, Wołynia i Litwy. – Paryż: Nakładem J. K. Wilczynskiego, 1860. – 144 s.
27. Копытовских А.В., Коржич В.П. Исследование циклов урожайности зерновых культур // Модельные программы реструктуризации и реформирования экономики: материалы 3-й междунар. науч. конф., Минск, 23–25 июня 2005 г.: в 2 ч. – Минск: БГАТУ, 2005. – Ч. 1. – С. 177–183.
28. Опыт описания Могилёвской Губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях: в 3 кн. – Кн. 1 / Под ред. А.С. Дембовецкого. – Могилёв: Тип. губ. прав-я, 1882. – [6], 782, [2] с.
29. Massalski E.T. Pan Podstolic, albo, Czém jesteśmy, czém być możemy: romans administracyjny: W 5 częściach. Część 2. – Wilno: W Drukarni A. Marcinkowskiego, 1831. – 268 s.
30. Бобровский, П. О. Физические и нравственные элементы северо-западных губерний России // Вестник Западной России. – Вильно. – 1865. – Г. IV. – Кн. IV. – Ч. 3. – С. 1–17.
31. Севергин В.М. Записки путешествия по западным провинциям Российского государства, или Минералогические, хозяйственные и другие примечания, učinённые во время проезда через оные в 1802 году... – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1803. – 225 с.

32. Булгак Я. Край дзіцячых гадоў / пер. з пол. мовы Т.Г. Вяршыцкай. – Мінск: Беларусь, 2004. – 415 с.
33. Gołębiowski Ł. Domy i dwory. – Warszawa: Druk. N. Gkücksberga, 1830. – [4], 296 s.
34. Gloger Z. Budownictwo drzewne i wyroby z drzewa w dawnej Polsce: w 2 t. – Warszawa: Druk Wl. Lazarskiego, 1907–1909. – Т. 1. – 1907. – 383 s.
35. Gołębiowski Ł. Gry i zabawy różnych stanów w kraju całym, lub niektórych tylko prowincyach. – Warszawa: Druk N. Glücksberga, 1831. – 332 s.

Поступила 30.10.2025

FORMATION OF IDEAS ABOUT RATIONAL USE OF NATURAL RESOURCES IN AGRICULTURAL JOURNALISM OF BELARUS OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

S. SHYDLOUSKI

(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The article examines the process of forming ideas about rational nature management in the Belarusian agrarian journalism of the XIX century – present XX century. Based on the analysis of economic and statistical surveys of the era under study, the main sources of landowners' knowledge about rational management have been identified: scientific theory (primarily the concept of Albrecht Thaer), foreign experience. It is shown how the state of the region's natural resources was analyzed in journalism, and a discourse was formed about problems with soil fertility, crop failures, and waterlogging of territories. Rationalization measures proposed by contemporaries are considered: multi-field crop rotations, land reclamation, and agrotechnical innovations. The economic and socio-cultural obstacles to the widespread introduction of rational practices are shown. The study demonstrates that the formation of the concept of rational use of natural resources has become an important part of the discourse of agrarian modernization on Belarusian lands, reflecting the contradiction between theoretical concepts and real practices in landlords.

Keywords: *rational nature management, agricultural journalism, landowner estates, Albrecht Thaer, rational agriculture, agricultural modernization, environmental history.*